

DOI: 10.17976/jpps/2017.04.02

СТРАХ КАК ПОЛИТИКА¹

П. Дуткевич, Д.Б. Казаринова

ДУТКЕВИЧ Петр, доктор политических наук, профессор, Карлтонский университет, Оттава, Канада. Для связи с автором: PiotrDutkiewicz@cunet.carleton.ca; КАЗАРИНОВА Дарья Борисовна, кандидат политических наук, доцент, Российский университет дружбы народов. Для связи с автором: kazarinova_db@rudn.university

Дуткевич П., Казаринова Д.Б. Страх как политика. — Полис. Политические исследования. 2017. № 4. С. 8-21. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.04.02>

Статья поступила в редакцию: 30.03.2017. Принята к печати: 24.04.2017

Аннотация. С ростом и многократным увеличением числа реальных и предполагаемых угроз страх стал стандартным элементом современной политики. Цель настоящей статьи — доказать, что страх из удобного инструмента политики, применяемого лишь *ad hoc*, превращается *de facto* в сущность политики, становится частью ее онтологического ядра. В статье уточняется понятие страха применительно к современной политике, обозначается его текучий, всепроникающий характер, присутствие во всех социальных слоях. Но сегодня страх теряет свой продуктивный, мобилизующий эффект и оборачивается либо деструктивным параличом, либо политикой, этим параличом направляемой. Во-первых, авторы доказывают, что страх стал проекцией политической воли, которая меняет существующий порядок. Страх становится основной причиной и мотивом социальных изменений на всех уровнях. Во-вторых, страх скрепляет властные отношения, создавая новую политическую догму, сверхидеологию, вбирающую в себя все направления от популизма до неоконсерватизма. И в-третьих, страх продуцирует альтернативную легитимацию для государственной власти. Эти процессы происходят в силу утраты доверия к рынку, государству и институтам, углубления разрыва между властью и политикой, усиливающимся социально-экономическим неравенством, повсеместного повышения уровня экзистенциального страха. В результате налицо качественное изменение роли, масштаба и глубины проникновения страха в политику. “Долгий XX век” мировых экономических кризисов завершается, оставляя в прошлом “междувластье”. Возникает порядок *new regnum*, берущий истоки в “страхе как политике”.

Ключевые слова: политика страха; страх как политика; текучая модерность; *fear-ization*; *interregnum*; долгий XX век; *new regnum*.

О ПРЕДМЕТЕ ДИСКУССИИ

Страх, если уже не стал, то стремительно становится ключевым объектом анализа при осмыслении современной политики. По мере того, как страх все больше проникает в нашу повседневную жизнь, политики и политтехнологи всех идеологических мастей вновь осознают, что это самый эффективный инструмент влияния на избирателей. В связи с этим вышел ряд академических и популярных статей, посвященных рассмотрению “политики страха” [Robin 2004; Robin 2012; Altheide 2002; Altheide, Michalowski 1999; Furedi 1997; Lucas 2009]. М. Болл на страницах журнала *The Atlantic* высказывает такое мнение: “Сегодня американцы напуганы до такой степени, в какой они не пребывали уже давно. Опросы показывают, что большинство американцев боятся, что могут стать жертвами терроризма или преступности, — число обеспокоенных

¹ Авторы благодарят В.А. Гуторова, зав. кафедрой теории и философии политики факультета политологии СПбГУ, и А.Д. Корягина, лектора Международного института экономики и финансов НИУ ВШЭ, за ценные замечания, высказанные в ходе работы.

за последний год выросло до максимума за несколько десятилетий. Создается ощущение, что теракты большего или меньшего масштаба, в стране или за границей происходят каждую неделю... *Страх пронизывает американскую жизнь и американскую политику*². Дж. Уайтхед в *The Huffington Post* отмечает: “Дискурс страха породил *политику страха*, единственная цель которой — дезориентировать и разобщить нас. Это препятствует нашему критическому мышлению и мешает осознать то, что мы *сами* можем играть какую-либо роль в решении стоящих перед нами проблем. Вместо этого нас научили указывать на *другого*, голосовать за *того* политика или поддерживать *ту* группу, которые — и якобы никто иначе — могут исправить ситуацию”. Страх, заключает он, “культивируется политической элитой и охотно принимается американским народом”³.

Аналогичные настроения присутствуют и по другую сторону Атлантики: страх перед радикальными переменами на фоне многочисленных кризисов начал влиять на политику ЕС. К примеру, оценивая президентскую кампанию во Франции, Э.Ж. Дион из *The Washington Post* отмечает, что “радикализация правых угрожает консенсусу капиталистического государства благосостояния, которое дало Западу десятилетия относительного социального мира и процветания. Франция является последним примером этого процесса, и примером драматичным”⁴. Эту точку зрения разделяют ведущие европейские интеллектуалы. “То, что нужно Европе — это стратегия доверия, а не политика страха”, — утверждают профессор Венского университета экономики и делового администрирования Карл Айгингер, профессор Сьянс По, Париж, Жан-Поль Фитусси и профессор Лёвенского католического университета Пауль де Грауэ⁵.

Ключевая идея нашей статьи, однако, состоит в том, что мы наблюдаем не просто одно из последних проявлений “политики страха”: отличительная черта настоящего момента — это возникновение феномена “страха как политики”. Этот феномен кардинально меняет формы, методы и цели современной политики. Мы полагаем, что страх из расхожего политического орудия, применяемого *ad hoc*, превратился *de facto* в сущность политики. Страх сегодня конституирует движущую силу и основание политики, вытесняя иные источники легитимации власти, такие как демократия, правосудие и общественное благо.

Опираясь на предположение британского социолога Зигмунта Баумана, что “политика — это *способность принимать решение о том, что должно быть сделано, и выбирать приоритеты*” [22 Ideas to Fix the World... 2013: 189], мы постулируем три следующих тезиса.

1. Страх представляет собой ключевую предпосылку “способности принимать решение”: политики используют страх как первичное условие для принятия решений, оправдывая необходимость действий теми или иными угрожающими факторами.

2. Страх становится критерием отбора “того, что должно быть сделано”. Например, вместо экологической или образовательной сферы приоритет от-

² Ball M. Donald Trump and the Politics of Fear. 02.09.2016. — *The Atlantic*. URL: <https://www.theatlantic.com/politics/archive/2016/09/donald-trump-and-the-politics-of-fear/498116> (accessed 02.05.2017).

³ Whitehead J.W. The Politics of Fear in America: A Nation at War with Itself. — *The Huffington Post*. URL: http://www.huffingtonpost.com/john-w-whitehead/politics-of-fear-america_b_1922963.html (accessed 01.12.2012).

⁴ Dionne E.J. Jr. The New Politics of Fear. — *The Washington Post*. Opinion writer. 04.12.2016.

⁵ Fitoussi J.-P., Aiginger K., De Grauwe P. *Europe needs a Strategy of Confidence, not Politics of Fear*. URL: <https://www.euractiv.com/section/justice-home-affairs/opinion/europe-needs-a-strategy-of-confidence-not-politics-of-fear/> (accessed 07.06.2017).

дается таким “чувствительным к страху” сферам, как вопросы безопасности, расовых взаимоотношений или проблемам занятости.

3. Страх определяет содержательное наполнение “того, что должно быть сделано”. Так, если в обществе есть страх перед мигрантами, иммиграционная политика будет носить ограничительный характер.

Для того чтобы обосновать связь политики и страха и наш главный тезис о том, что страх становится онтологическим ядром политики, обратимся к трем аргументам.

Во-первых, страх выступает проекцией политической воли, направленной на изменение существующего порядка. Иными словами, страх превращается в стержневую причину и мотив институциональных / социальных изменений на национальном и международном уровнях [Bichler, Nitzan 2010]. Мы больше не живем в состоянии *interregnum* (“междувластия”) 3. Баумана, когда “унаследованные способы *делания дел* уже не работают, а новые и более адекватные еще не изобретены, и тем более не воплощены в практике” [22 Ideas to Fix the World... 2013: 189]. Мы живем в мире, где *дела делаются*, исходя из страха, потому что ответы на ключевые вопросы политики таковы: на вопрос “что делать?” – “реагировать на то, чего люди боятся”; на вопрос “кто будет это делать?” – “те, кто наилучшим образом управляют страхом и преодолевают его”.

Во-вторых, страх цементирует властные отношения путем создания новой “политической догмы” (своего рода сверхидеологии в формате трансидеологического спектра: “страх” присутствует во всех современных идеологиях от популизма до неоконсерватизма); он задает жесткие рамки для формирования и в то же время для ограничения социального воображения и политического действия. Страх сегодняшних либералов – стать социально нерелевантными⁶. Популисты, будучи по своей сути чистым продуктом страха, боятся действующих элит; того, что существующий правовой порядок играет против них; боятся Другого и всякого рода различий. Консерваторы боятся “народа” и “нарушения демократических норм и процедур”. Левые боятся правых. И все мы испытываем страх перед хаосом и непредсказуемостью.

В-третьих, как отмечалось выше, страх обеспечивает альтернативную легитимацию государственной власти и ее действиям. Иными словами, страх позволяет оправдать находящихся у власти и наделить смыслом их цели.

Подведем итоги вводной части. “Страх как политика” продуцирует множество эффектов с общим знаменателем – включением страха в онтологическое ядро (*fear-ization*) всего политического. Такие ключевые сферы политики, как миграция [Huysmans 2006], безопасность [Buzan 1983; Furedi 2008: 645-661; Bordoni 2017; Гуторов, Ширинянц 2017], рынок труда и образование [Blanchflower, Shadforth 2009; Gutorov 2015], развитие, расовые вопросы [Ioanide 2015], демократия⁷ [Gutorov, Koryushkin, Zavershinskiy 2016], международные отношения [Taras 2015], окружающая среда⁸, здравоохранение и благополучие граждан – сегодня мотивируются страхом. Для этого власти либо пытаются устранить причины страха, либо используют страх для укрепления позиций элит.

⁶ К. Хеджс утверждает, что “трагедия либерального класса и институтов, им контролируемых, в том, что они предаются оппортунизму и в конце концов страху” [Hedges 2010: 139].

⁷ Sleeper J. A History of Unwarranted Fears of Tyranny – *The New York Times*. URL: <http://www.nytimes.com/roomfordebate/2016/05/12/is-tyranny-around-the-corner/a-history-of-unwarranted-fears-of-tyranny> (accessed 21.05.2016).

⁸ Ritter K., Borenstein S. Environmental Activists Fear ‘Climate Progress Is Dead’ After Trump Takes U.S. Election. – *The Associated Press*. 9.11.2016.

Анализ обозначенной проблематики требует решения двух методологических вопросов: определение предметного поля понятия “страх” и способы его политизации в современном публичном дискурсе и причины превращения страха в конституирующий элемент текущей политики.

ОТ “ПОЛИТИКИ СТРАХА” К “СТРАХУ КАК ПОЛИТИКЕ”

Страх — внутреннее состояние, обусловленное грозящим реальным или предполагаемым бедствием. Это негативно окрашенный эмоциональный процесс, который утрирует реакцию человека или общества на вызовы извне. По мнению американского политолога К. Робина, страх представляет собой экзистенциальное, коллективное состояние сознания, которое обнажает “глубокую истину о том, кто мы такие как политические акторы, как люди, как народ”⁹. Как мы знаем из психологии, когнитивно сконструированные причины возникновения страха — это чувство отверженности, подавленности, угрозы самоуважению, ощущение собственной неадекватности. В условиях ускорения всех социальных процессов и эффектов глобализации в виде роста глобального неравенства и “конца знакомого мира” люди повсеместно пребывают в состоянии глубокого напряжения. Каждый регион подвержен коллективной тревоге, коренящейся в экономической и политической неопределенности, социальных проблемах и угрозах безопасности различного генеза и интенсивности. Например, в Европе, вследствие необходимости справляться с проблемами миграции и экономической турбулентности, политическая ситуация быстро смещается в направлении непредсказуемости и нестабильности под влиянием роста популизма и общего сдвига вправо ведущих политических партий¹⁰. В США ощущение, что старые нормы политического поведения и институциональные структуры находятся под угрозой, легло в основу политической платформы нового президента¹¹. В быстро развивающейся Азии напряженное стремление “догнать Запад” создает всевозможные социальные, политические и экологические противоречия, которые уменьшают уверенность региональных элит в собственном будущем¹². В Африке лишь несколько стран демонстрируют экономический рост и социальную стабильность посреди политического хаоса¹³. На наш взгляд, очевидно, что страх больше не ограничивается одной страной или регионом, но приобретает глобальное измерение.

Аргентинский политолог М. Корстанхе предлагает классификацию различных видов страха по трем основаниям: “а) угрожающие человеку физически; б)

⁹ К. Робин добавляет следующий аргумент: “Политика страха не означает политику, которая указывает, ориентируется или даже полагается на угрозы — реальные или ложные. Она не подразумевает политику, которой свойственна эмоциональность (какая политика лишена этого качества?) или параноидальность. Она означает нечто вполне иное, а именно — политику, которая основана на страхе, которая черпает из страха вдохновение и собственную значимость и усматривает в нем то самое богатство опыта и глубинные пласты, которые невозможно отыскать ни в каком другом виде человеческого опыта”. См. Robin C. *Against the Politics of Fear*. URL: <https://www.jacobinmag.com/2016/12/against-politics-fear-trump-republicans-organizing-change/> (accessed 12.05.2016).

¹⁰ *Chatham House Report. The Rise of Populist Extremism in Europe*. URL: <https://www.chathamhouse.org/media/news/view/178303#sthash.iipNi7ot.dpuf> (accessed 25.04.2017).

¹¹ Kuntzman G. A Trump Presidency Means Americans Can Forget All Political Norms Going Forward. — *New York Daily News*. URL: <http://www.nydailynews.com/news/politics/president-trump-means-no-political-norms-america-article-1.2865226> (accessed 09.11.2016).

¹² *Building on Asia's Strengths during Turbulent Times. Regional Economic Outlook: Asia and Pacific*. International Monetary Fund. URL: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/reo/2016/apd/eng/areo0516.htm> (accessed 04.06.2017).

¹³ *The Economic Development in Africa Report 2016: Debt Dynamics and Development Finance in Africa*. UNCTAD. URL: http://unctad.org/en/PublicationsLibrary/aldcafrica2016_en.pdf (accessed 25.04.2017).

несущие угрозу долговечности общественного порядка, в котором существует человек; в) создающие угрозу для феноменологического ощущения человеком своего места в мире”. Современное государство, согласно его мнению, несет ответственность за безопасность своих граждан¹⁴. Историческое государство берет на себя роль лимитирования человеческого страха, создавая различные уровни защиты. Однако сегодня стратегия избавления людей от страха посредством государственного управления исчерпала свою действенность (или становится жестко ограниченной), вследствие несоответствия между глобальным масштабом встающих проблем, с одной стороны, и ограниченной / локализованной (самой природой национального государства) возможностью отвечать на новые вызовы, с другой. Тем самым страх, по-видимому, теряет свой продуктивный, мобилизующий эффект и оборачивается либо деструктивным параличом, либо политикой, конституируемой и направляемой этим параличом.

По утверждению З. Баумана, опасности существовали всегда, но сегодня положение дел меняется, поскольку мы живем в состоянии “продолжительной неопределенности, которая нас пугает”¹⁵; он добавляет, что “люди ощущают беспокойство, испытывают чувство растерянности, неспособности действовать решительно и уверенно”. Страх в принципе присущ человеку и человеческому обществу, но долгие века человеку с ним помогало справляться сначала религиозное сознание, а затем рациональная вера в институты, государство, рынок. Ш. Винт, профессор Калифорнийского университета в Риверсайде, комментируя доводы З. Баумана, полагает, что “не представляется возможным определить страх, характерный для эры глобализации, ни через страх в гоббсовском понимании, ни через понятие ‘тревоги’ З. Фрейда или М. Хайдеггера... поскольку они вызваны внешними причинами”¹⁶. Поэтому встает методологический вопрос выработки иного подхода к концептуализации страха, продуцируемый постоянным чувством незащищенности, а также ощущением полной потери контроля над происходящим, и, следовательно, легко политизируемым.

Страх способен стать инструментом трансформации государственной политики, делая ее более “чувствительной к страху” (что означает *наполнение страхом (fear-ization)* иммиграционной политики, секьюритизацию национальных отношений, введение политики протекционизма и усиление надзора и наблюдения за гражданами). Но это еще не конституирует тот феномен, который мы называем “страх как политика”. Это лишь новое воплощение старой политической стратегии использования страха как инструмента влияния на электорат. Предлагаемая нами аргументация предполагает иной фокус рассмотрения страха, а избранный нами фокус и ключевой посыл работы заключаются в том, что “страх как политика” имеет *трансформационный потенциал для изменения политики, норм и институтов*. В этих рамках понятие “текучего страха” З. Баумана представляется нам оптимальным для объяснения политического потенциала страха, возникшего с расцветом и закатом глобализации.

В логике З. Баумана “текущий страх” имеет неопределенные источники, он не локализован, ему невозможно противодействовать, и потому он “самый страшный”. Современный исторический период отличается от прежних времен интенсивностью страха. Бауман иллюстрирует состояние общества, охваченного

¹⁴ Korstanje M. *Antrocom 2008*. Vol. 4. No. 2. P. 169-170. URL: <http://www.antrocom.net/upload/sub/antrocom/040208/13-Antrocom.pdf> (accessed 25.04.2017).

¹⁵ Bauman Z. Behind the World's ‘Crisis of Humanity’. URL: <http://www.aljazeera.com/programmes/talktojazeera/2016/07/zygmunt-bauman-world-crisis-humanity-160722085342260.html> (accessed 08.03.2017).

¹⁶ Vint S. *Liquid Fear Review*. URL: <https://muse.jhu.edu/article/269121/summary> (accessed 25.04.2017).

текучим страхом, в условиях междувластия такой метафорой: “Представьте, что вы находитесь в небе в самолете и в какой-то момент замечаете, что кабина пилота пуста, а успокаивающие речи не более, чем когда-то давно сделанная запись. Вдобавок вы узнаете, что аэропорт, где вы надеялись приземлиться, еще не только не построен, но даже заявка на его строительство застряла в офисе какого-то учреждения” [Бауман 2012]. По его словам, “больше нет надежных институтов, к которым мы могли бы обратиться и могли бы доверить свои надежды и ожидания. Даже самые могущественные правительства зачастую не могут исполнить своих обещаний. Их власть недостаточна для этого” [там же].

В текущей современности, по утверждению Ш. Винт, “государство уже не может эффективно выполнять свое обещание защищать людей, поскольку социальная стабильность, от которой зависит это обещание, ослаблена непредсказуемостью глобального капитализма, и в то же время несправедливости этой системы продуцируют контекст физической угрозы личной безопасности...”¹⁷. Но не всем видится в этом угроза, кто-то воспринимает ситуацию как вызов. Так, В. Иноземцев считает, что для общества деструктивен не сам страх, а его парализующий эффект: “Главное зло нашего времени, — отмечает он, — это даже не терроризм, который убивает порой десятки или сотни людей. Главное зло нашего времени — это борьба за безопасность, обещание которой заставляет цепенеть сознание и волю целых народов. Сегодня... следовало бы перестать скулить по поводу ‘конца правил’, ‘текучей модернити’ или отсутствия ‘устойчивого общества’. Куда правильнее было бы открыть глаза на стремительно меняющийся мир и понять, что, хотя он, безусловно, опасен, в другом нам не жить. Вернуть прежнее уважение к стремлениям к новациям и к готовности к переменам и неопределенности; переориентироваться с ‘соблюдения’ неких устоявшихся стереотипов и следования им на их разрушение и пересмотр. Потому что свобода важнее безопасности, а развитие — стабильности”¹⁸.

Следующий момент — демонстрация связи страха с политикой не в качестве ее “орудия”, но как неотъемлемой части любого политического процесса как основной компоненты политики. Страх как часть политики — то, как он задействован в политическом процессе, — не только легитимирует политическое действие, но и *порождает* его. Согласно Бауману, “страх побуждает нас предпринимать защитные действия, что придает страху непосредственность и осязаемость... Страх больше не происходит извне, он проникает внутрь, становится частью повседневной реальности” [Bauman 2005]. Если страх порождает политическое действие, а не только легитимирует его, то мы можем сделать следующий вывод: происходящее перерождение “политики страха” в “страх как политику” делает эти феномены — страх и политику — близнецами, неотделимыми друг от друга, порождающими и подпитывающими друг друга. Их взаимодействие пробуждает политическое действие вне зависимости от рациональности и оправданности конечных результатов¹⁹. Попробуем объяснить, почему и как страх становится структурообразующим элементом политики.

¹⁷ Ibidem.

¹⁸ Иноземцев В.Л. *Никаких гарантий*. Доступ: http://www.gazeta.ru/column/vladislav_inozemcev/7771379.shtml (проверено 05.06.2017).

¹⁹ В качестве примера можно привести инициативы Д. Трампа по строительству стены на границе с Мексикой и др. См. URL: <http://www.as-coa.org/articles/explainer-history-and-future-hurdles-us-mexico-border-wall?gclid=CP7hru-v4NICFQowaQodNsMFPa> (accessed 18.05.2017); Explainer: The History and Future of Hurdles to a U.S.-Mexico Border Wall. — *Americas Society Council of the Americas*; Donald Trump Says Judge’s Travel Ban Block is ‘Unprecedented Overreach’ — as It Happened. — *The Guardian*. URL: <https://www.theguardian.com/us-news/live/2017/mar/16/trump-travel-ban-blocked-nationwide-hawaii-court-live> (accessed 18.05.2017).

КАК СТРАХ ПЕРЕФОРМАТИРУЕТ ПОЛИТИКУ?

Что привело нас в состояние, когда во всем мире, несмотря на многообразие современных социальных и политических форм, мы — индивидуально и коллективно — испытываем неуверенность в будущем, чувствуем незащищенность, неспособность контролировать ситуацию и справляться с вызовами? Страх продуцирует различные стимулы и проистекает из различных образов угрозы для разных социальных страт, но результаты этого процесса в целом оказываются схожими. Мы чувствуем себя “растерянными, неспособными действовать решительно и уверенно” вне зависимости от того, кто мы — члены передвижной общины индейцев Аппалачей в США, деклассированные жители фавел в Бразилии, финансовая элита Уолл-стрит или лондонского Сити. Мы все движимы страхом, и главный вопрос — каким образом и *почему* мы считаем это оправданным.

Предлагаемый нами ответ состоит из трех элементов: 1) утрата доверия и к государству, и к рынку; 2) отделение власти от политики; 3) углубление и последующая радикализация социального разрыва по всему спектру расслоения общества (как правило, на основе экономического неравенства, идеологии, идентичности и власти). Таким образом, страх становится системным (вездесущим), он присутствует во всех аспектах нашей жизни. В то же время институты, призванные бороться с источниками страха (такие как государственные органы социальной поддержки, профсоюзы, неправительственные организации), либо становятся недоступными, либо их возможности снижаются (равно как уменьшается и наше доверие к ним).

В *первой* части нашего ответа, в начале аргументации мы исходим из того, что историческая эволюция отношений “государство — общество” и “общество — рынок” привела к утрате этими институтами общественного доверия, кульминацией чего стал финансовый кризис 2007-2009 гг. Для развития нашего аргумента обратимся к концептуальным построениям политического аналитика И. Крастева, который говорит о трех экономических “революциях”, подорвавших наше доверие на протяжении “долгого двадцатого века” [Krastev 2013].

Первая революция случилась на заре XX в., когда и общество в целом, и политический класс как на Востоке, так и на Западе, столкнувшись с Великой депрессией и Революцией в России, потеряли доверие к рынку как к наиболее эффективному механизму развития. Кейнсианская модель, компенсировавшая недостаток доверия к рынку вновь зародившейся верой в государство как в главный экономический регулятор, стала воплощаться в самых разнообразных формах: “нового курса” в США в 1930-х годах, советской сталинской военной экономики, нацистской экономики Третьего рейха в Германии. Этот тип государственно-монополистической экономики доминировал в мире вплоть до конца 1970-х годов.

Аналогичным образом (в ответ на экономические потрясения 1960-1970-х годов) западные элиты утратили доверие к правительствам как экономическим акторам и вновь поверили, что рынок лучше всех справится с функцией распределения ресурсов и экономического роста (австрийская школа Ф. Хайека). Затем последовала неолиберальная “революция” 1980-х годов, которая жестко отстаивала ценности выбора, при этом делегитимируя ценность общественных интересов (идеи так наз. Чикагской школы во главе с М. Фридманом). Этот сдвиг в экономической доктрине и практике открыл новые формы свободы для граждан как потребителей, в то же время он сигнализировал о том, что элиты “больше не нуждаются в граждански настроенных гражданах (*civic-minded citizen*)” [ibidem.].

Затем пришел мировой финансовый кризис 2007-2009 гг., который завершил процесс потери общественного доверия к обоим институтам — рынку

и государству. По описанным причинам многие люди (если не большинство) перестали доверять этим двум опорам нашего существования. Связь между потерей доверия и страхом состоит в отсутствии институтов, на которые мы можем индивидуально или коллективно положиться. Существует прямая корреляция между утратой доверия к институтам и нормам социальной поддержки и нарастающим страхом²⁰, т.е. чем больше недоверие, тем сильнее страх.

Очевидно, мы вступили в период стратегической нестабильности, когда большинство защитных механизмов от безответственности рынка и репрессивности государства оказались утрачены. Шаг за шагом в последние двадцать лет у граждан отнимали инструменты защиты социального государства (государства благосостояния). Волны приватизации лишили государство большинства прерогатив, которые делали его привлекательным для своих граждан [Bauman 2005].

Тем не менее было бы ошибочным полагать, что страх — это феномен неуверенности, растерянности и незащитности, распространенный только среди низшего и среднего классов. Страх как ожидание худшего свойственен и самым благополучным социальным слоям. Текущий страх переживается высшими классами тогда, когда достигнут определенный, достаточно высокий уровень качества жизни и одновременно приходит понимание “пределов роста”, углубляющееся описанными ранее процессами. Специалисты в сфере политической экономики Ш. Бихлер и Дж. Ницан в цитированном исследовании современного капитала заключают: “На наш взгляд... кризис конца 2000-х годов возродил еще одну и более глубокую разновидность страха. В начале 2000-х годов беспокойство носило чисто практический характер: топливный фактор раскачивал фондовые рынки... Но уже в конце 2000-х годов сама идеология капитала была поставлена под сомнение: *класс капиталистов, кажется, потерял уверенность в собственных теориях и ритуалах — и, следовательно, в собственной способности управлять*” [Bichler, Nitzan 2010] (курсив наш — авт.). Если капиталистический класс не уверен в фундаментальных основаниях системы, а средний и низший классы разделяют этот страх, то это и есть начало “Большого страха” — страха как политики, который сегодня направляет и воодушевляет политическое действие.

Вторая часть нашей аргументации о том, почему страх меняет свое качество, — это продолжающийся и углубляющийся процесс отделения власти от политики, который усиливает системную нестабильность и непредсказуемость. З. Бауман предполагает, что малые и большие государства имеют ограниченную способность управлять, поскольку, по его мнению, мы находимся в состоянии “междувластия”. Это состояние спровоцировано углубляющимся размежеванием и отделением власти (*to do things* — способности реализовать решения) и политики (*ability to decide which things are to be done* — способности принимать решения), в результате чего возникает несоответствие инструментов, доступных государству, и задач, стоящих перед ним. С одной стороны, власть становится все свободнее от политического контроля, а с другой — именно в политике все сильнее ощущается дефицит власти. В результате мы — общество — боимся, что разрыв между: 1) масштабом задач по обеспечению нашего безопасного / стабильного существования и 2) способностью институтов (как и нашей собственной способностью) справиться с ним становится катастрофически большим, и день ото дня увеличивается. Другой непосредственный результат этого процесса

²⁰ Результаты опросов показывают, что доверие действительно влияет на силу ощущения страха у людей и, что еще важнее, возможности снижения страха посредством доверия, по-видимому, сильно связаны с представлениями о справедливости и способности к коллективным действиям [см. De Cremer 1999].

заключается в том, что средоточие власти смещается от государства к капиталу [Nitzan, Bichler 2009], а сама власть становится более дисперсной и неконтролируемой, концентрируясь в руках ничтожного числа людей. А это создает новые измерения социального страха [ibidem].

Несмотря на то, что подход З. Баумана позволяет обнаружить связь между властью, политикой и страхом, считаем необходимым сделать следующий шаг и постулировать то, что “междувластье” уже трансформировалось в новый порядок (*new regnum*), где *things are done* (действия совершаются), исходя из страха. Начало этого процесса можно заметить в проходящей корректировке политики иммиграции, управления потоками беженцев, политики безопасности, обороны, здравоохранения и в других сферах политики.

Наконец, *третьим* пунктом в сумме доказательств того, что страх получил системный статус, затрагивая все аспекты нашей жизни, кратко рассмотрим ключевые локусы общественного раскола. Глубоко рассекая социумы, он делает приемлемым “страх как политику”, апеллируя к определенным социальным группам и их проблемам. Речь идет о росте, во-первых, популизма и противопоставления идентичностей, а во-вторых, об увеличении социально-экономического неравенства.

Мы наблюдаем подъем популизма в Европе, США, Азии и Латинской Америке²¹. “Люди, которые поддерживают радикально-популистские партии, зачастую сбрасываются со счетов как политические диссиденты, участники движений одного требования (*single-issue voters*) или экономически неблагополучные ‘неудачники глобализации’”, — пишет профессор Мэтью Гудвин (*Rutherford Colledge, Kent University*) в докладе Королевского института международных отношений (*Chatham House*) о крайне правых популистах. “Самые успешные из популистских партий сплотили вокруг себя коалицию из экономически незащищенной нижней части среднего класса, а также квалифицированных и неквалифицированных рабочих... Но всех их сторонников объединяет одно общее свойство — их глубокая враждебность к иммиграции, мультикультурализму и росту культурного и этнического многообразия”²². Приводя этот свежий²³ пример из множества других, хотим подчеркнуть: политика, основанная на страхе, внедряется в традиционные политические сферы с помощью политических партий и электоральной политики (данный тезис дополняет рассмотренные выше потерю доверия и отделение власти от политики). В этом нам видится процесс “нормализации” страха в рамках политического мейнстрима²⁴.

²¹ Taylor A. The Global Wave of Populism That Turned 2016 Upside Down. — *The Washington Post*. URL: https://www.washingtonpost.com/news/worldviews/wp/2016/12/19/the-global-wave-of-populism-that-turned-2016-upside-down/?utm_term=.89cd7b6968e9 (accessed 19.05.2017).

²² Chatham House Report: The Rise of Populist Extremism in Europe. — *Chatham House*. URL: <https://www.chathamhouse.org/publications/papers/view/178301> (accessed 01.06.2017).

²³ Например, Dionne E.J. Jr. The New Politics of Fear. — *The Washington Post*. URL: https://www.washingtonpost.com/opinions/the-politics-of-fear-is-gripping-democracies-across-the-world/2016/12/04/2de10712-b8c8-11e6-959c-172c82123976_story.html?utm_term=.1d6956e28049 (accessed 04.06.2017); Freeman H. ‘Don’t play Identity Politics!’ The Primal Scream of the Straight White Male. — *The Guardian*. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2016/dec/02/identity-politics-donald-trump-white-men> (accessed 02.06.2017); BatZedek E. Identity Politics and Racism: Some Thoughts and Questions. — *Rain and Thunder*. 1999. No. 5. URL: <http://feminist-reprise.org/library/resistance-strategy-and-struggle/identity-politics-and-racism-some-thoughts-and-questions/> (accessed 25.04.2017).

²⁴ Припомним, что, если выход Ж.-М. Ле Пена во второй тур президентских выборов во Франции в 2002 г. стал скандальной сенсацией, шоком политической системы, то выход М. Ле Пен в 2017 г. был предсказуем и многими воспринимался как закономерный.

Как говорится в докладе Международного объединения организаций по проблеме бедности и связанной с ней несправедливостью во всем мире (OXFAM) о последствиях неравенства, если “не сдерживать растущее неравенство, то оно разорвет наши общества на части. Неравенство способствует росту преступности и незащищенности... Оно заставляет все больше людей жить в страхе и все меньше людей — с надеждой”²⁵. Эта цитата как нельзя лучше демонстрирует, что страх за физическое выживание сегодня стал доминирующей чертой глобального социального расслоения.

Приведенные примеры различных видов переплетения страха и политики указывают на единый “тренд страха” не только как рефлексивной реакции на угрозы, но и как триггера для политических действий. Таким образом, мы попытались предложить аргументацию, демонстрирующую, что страх может быть рационализирован и операционализирован; что он свойственен разным социальным слоям, входит в политический мейнстрим и активно используется в политике всеми ее участниками. Наконец, страх в новом порядке (*new regnum*) выступает в роли краеугольного камня, на который опирается его политическая рациональность.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Статья начинается с довольно очевидного наблюдения: страх является удобным инструментом влияния на поведение избирателей. С ростом масштабов и многократным увеличением числа реальных и предполагаемых угроз политика страха стала стандартным элементом современной политики. Далее мы диаметрально перевернули причинно-следственные связи между политикой и страхом, которые, как мы аргументируем в разделе “От ‘политики страха’ к ‘страху как политике’”, приводят к следующему умозаключению. Страх вместо того, чтобы исполнять роль политического орудия, хотя и удобного, но применяемого лишь *ad hoc*, становится *de facto* сущностью политики; страх превращается в часть онтологического ядра политики. Для того, чтобы прийти к такому выводу, мы, во-первых, уточнили понятие страха, обозначив его текучий, всепроникающий характер, а во-вторых, отметили его присутствие во всех социальных слоях. Это стало основой для трехчастной структуры наших аргументов: а) люди утратили доверие к рынку, государству и институтам, которые обеспечивают их поддержку; б) наблюдается углубление разрыва между властью и политикой; в) социально-экономическое неравенство создает дополнительный, повсеместно распространенный уровень экзистенциального страха. Считаем, что такая линия аргументации позволила достоверно обосновать наш тезис: происходит качественное изменение роли, масштаба и глубины проникновения страха в политику. *Страх определяет, что правильно, а что нет, и заменяет собой набор классических критериев известных идеологических установок.*

Весомость нашего подхода к концептуализации “страха как политики” заключается в следующем. Мы предпринимаем попытку заблаговременно предупредить общество о том, что страх становится главным мотивом политической воли к изменению существующего политического и социального порядка. В ближайшие десятилетия это может привести к еще большему хаосу и непредсказуемости, поскольку государство сможет легитимировать свои действия не успешным обеспечением всеобщего блага, справедливости

²⁵ OXFAM Report. *An Economy for the 99%*. January 2017. P. 2. URL: https://www.oxfam.org/sites/www.oxfam.org/files/file_attachments/bp-economy-for-99-percent-160117-en.pdf (accessed 19.05.2017).

или благополучия, не интересами мира или демократии; а тем, что политика станет более конфронтационной, в большей степени основанной на идентичности, менее инклюзивной и еще менее рациональной.

Перевод с английского в редакции авторов

Бауман З. 2012. Текущая модерность и текущий страх: взгляд из 2011. — *Протестант*. Доступ: <http://www.gazetaprotestant.ru/2012/01/tekuchaya-modernost-i-tekuchij-strax-vzglyad-iz-2011-goda/> (проверено 05.06.2017).

Гуторов В.А., Ширинянц А.А. 2017. Терроризм как теоретическая и историческая проблема: некоторые аспекты интерпретации. — *Полис. Политические исследования*. № 3. С. 30-54. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.03.03>

Altheide D.L. 2002. *Creating Fear: News and the Construction of Crisis*. New York: Aldine de Gruyter. xi, 223 p.

Altheide D.L., Michalowski R.S. 1999. Fear in the News: A Discourse of Control. — *The Sociological Quarterly*. No. 40. P. 475-503.

Bauman Z. 2005. *The Demons of an Open Society*. Lecture LSE. 20.10. URL: <https://digital.library.lse.ac.uk/objects/lse:tuy713hoz> (accessed 17.05.2017).

Bichler S., Nitzan J. 2010. *Systemic Fear, Modern Finance and the Future of Capitalism*. Jerusalem and Montreal. URL: http://dieoff.org/_Economics/SystemicFearModernFinanceAndTheFutureOfCapitalism.pdf (accessed 23.04.2017).

Blanchflower D.G., Shadforth C. 2009. *Fear, Unemployment and Migration*. Vol. 119. No. 535 (February). P.136-182. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1468-0297.2008.02224.x>

Bordoni C. 2017. *State of Fear in a Liquid World*. L., N.Y.: Routledge. 26 p.

Buzan B. 1983. *People, States, and Fear: The National Security Problem in International Relations*. Brighton: Wheatsheaf Books Ltd. 262 p.

De Cremer D. 1999. Trust and Fear of Exploitation in a Public Goods Dilemma. — *Current Psychology*. Vol. 18. No. 2. P. 153-163. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12144-999-1024-0>

22 Ideas to Fix the World. Conversations with the World's Foremost Thinkers. 2013. Ed. by P. Dutkiewicz, R. Sakwa. N.Y.: New York University Press. 466 p.

Furedi F. 1997. *Culture of Fear: Risk-taking and the Morality of Low Expectation*. L., Washington: Cassel, Wellington House. 224 p.

Furedi F. 2008. Fear and Security: A Vulnerability-led Policy Response. — *Social Policy and Administration*. Vol. 42. No. 6. P. 645-661. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-9515.2008.00629.x>

Gutorov V. 2015. Citizenship, National Identity and Political Education: Some Disputable Questions. — *Studies of Transition States and Societies (STSS)*. Vol. 7. No. 1. P. 77-93.

Gutorov V., Koryushkin A., Zavershinskiy K. 2016. Civil Society and Theory of Democracy: From the Legacy of the XXth Century. — *The Social Sciences*. Vol. 11. No. 25. P. 6134-6140.

Hedges C. 2010. *Death of the Liberal Class*. Toronto: Alfred Knopf. 139 p.

Huysmans J. 2006. *The Politics of Insecurity: Fear, Migration and Asylum in the EU*. L.: Routledge. 208 p.

Ioanide P. 2015. *The Emotional Politics of Racism: How Feelings Trump Facts in an Era of Colorblindness (Stanford Studies in Comparative Race and Ethnicity)*. Stanford: Stanford University Press. 288 p.

Krastev I. 2013. Interview: Ivan Krastev with Richard Sakwa, Ch. 15. — *22 Ideas to Fix the World. Conversations with the World's Foremost Thinkers*. Ed. By P. Dutkiewicz, R. Sakwa. N.Y.: New York University Press. P. 268-271.

Lucas S. 2009. Mobilizing Fear: U.S. Politics Before and After 9-11. — *Review of International American Studies*. Vol. 3. No. 3-4. P. 25-34.

Nitzan J., Bichler S. 2009. *Capital as Power. A Study of Order and Creorder. RIPE Series in Global Political Economy*. N.Y. and L.: Routledge. URL: http://bnarchives.yorku.ca/259/2/20090522_nb_casp_full_indexed.pdf (accessed 23.04.2017).

Robin C. 2004. *Fear: The History of a Political Idea*. Oxford: Oxford University Press. 336 p.

Robin C. 2012. The Language of Fear: National Security in Modern Politics. — *Fear: Across the Disciplines*. Ed. By J. Plamper, B. Lazier. Pittsburgh, Pennsylvania: University of Pittsburgh Press. P. 118-131.

Taras R. 2015. *Fear and the Making of Foreign Policy*. Edinburgh: Edinburgh University Press. 224 p.

DOI: [10.17976/jpps/2017.04.02](https://doi.org/10.17976/jpps/2017.04.02)

FEAR AS POLITICS

P. Dutkiewicz¹, D.B. Kazarinova²

¹Carleton University. Ottawa, Canada

²Russian Peoples' Friendship University (RUDN). Moscow, Russia

DUTKIEWICZ Piotr, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Professor, Carleton University, Ottawa, Canada. Email: PiotrDutkiewicz@cunet.carleton.ca; KAZARINOVA Daria Borisovna, Cand. Sci. (Pol. Sci.), associated professor, RUDN-University. Email: kazarinova_db@rudn.university

Dutkiewicz P., Kazarinova D.B. Fear as Politics. — *Polis. Political Studies*. 2017. No. 4. P. 8-21. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.04.02>

Received: 30.03.2017. Accepted: 24.04.2017

Abstract. Fear is fast becoming – if it has not already become – a central object of analysis for understanding today's politics. As fear is, supposedly, increasingly saturating our everyday lives, politicians and political strategists of all ideological stripes are rediscovering that fear is a handy tool in influencing voters. Our argument, however, is that rather than simply seeing the most recent exercise of a “politics of fear,” our contemporary moment is distinguished by the emergence of “fear as politics”. The paper argues that rather than fear acting as an expedient but *ad hoc* political tool, it has become the *de facto* essence of politics. Fear now provides the impetus and reason for politics, substituting other sources of legitimation of power such as democracy, justice, and the common good. The argument of the authors is being developed in a three-step process. Firstly – the authors argue – fear has become a projection of the political will aiming at changing existing order – that is to say that fear becomes the main reason and main motive for institutional / social change domestically and internationally. Secondly, fear cements power relations by creating a new “political dogma”, a supra-ideology of sorts that being trans-ideological in spectrum (that is to say, “fear” becomes enclosed in every current ideology from populism to neo-conservatism), and shapes and restricts social imagination and political action. Thirdly – authors continue – fear provides alternative legitimation of state authority and action (that is to say that fear provides justification and sense of purpose for those in power). The authors have provided a set of interlocked ideas to show that fear can be rationalized, operationalized, that it is imbedded into diversified social strata, included into mainstream politics, politically utilized and form a bedrock of the new *regnum* (with a rationality based on fear) by whoever play politics.

Keywords: politics of fear; fear as politics; liquid modernity; fear-ization; interregnum; long XX century; new regnum.

References

Altheide D.L. *Creating Fear: News and the Construction of Crisis*. New York: Aldine de Gruyter. 2002. xi, 223 p.
Altheide D.L., Michalowski R.S. Fear in the News: A Discourse of Control. — *The Sociological Quarterly*. 1999. No. 40. P. 475-503.

Bauman Z. Liquid Modernity and Liquid Fear: the View from 2011. — *Protestant*. 2012. (In Russ.) URL: <http://www.gazetaprotestant.ru/2012/01/tekuchaya-modernost-i-tekuchij-strax-vzglyad-iz-2011-goda/> (accessed 08.05.2017).

Bauman Z. *The Demons of an Open Society*. Lecture LSE. 20.10.2005. URL: <http://www.lse.ac.uk/website-archive/publicEvents/miliband/BaumanLectures.aspx> (accessed 17.05.2017).

Bichler S., Nitzan J. *Systemic Fear, Modern Finance and the Future of Capitalism*. Jerusalem and Montreal. 2010. URL: http://dieoff.org/_Economics/SystemicFearModernFinanceAndTheFutureOfCapitalism.pdf (accessed 08.01.2012).

- Blanchflower D.G., Shadforth C. *Fear, Unemployment and Migration*. Vol. 119. No. 535. February 2009. P. 136-182. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1468-0297.2008.02224.x>
- Bordoni C. *State of Fear in a Liquid World*. L. & N.Y.: Routledge. 2017. 26 p.
- Buzan B. *People, States, and Fear: The National Security Problem in International Relations*. Brighton: Wheatsheaf Books Ltd., 1983. 262 p.
- De Cremer D. Trust and Fear of Exploitation in a Public Goods Dilemma. — *Current Psychology*. 1999. Vol. 18. No. 2. P. 153-163. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12144-999-1024-0>
- 22 Ideas to Fix the World. Conversations with the World's Foremost Thinkers*. Ed. By P. Dutkiewicz, R. Sakwa. N.Y.: New York University Press. 2013. 466 p.
- Furedi F. *Culture of Fear: Risk-taking and the Morality of Low Expectation*. L., Washington: Cassel, Wellington House. 1997. 224 p.
- Furedi F. Fear and Security: A Vulnerability-led Policy Response. — *Social Policy and Administration*. Vol. 42. No. 6 (December). P. 645-661. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-9515.2008.00629.x>
- Gutorov V. Citizenship, National Identity and Political Education: some disputable questions. — *Studies of Transition States and Societies (STSS)*. 2015. Vol.7. No. 1. P. 77-93.
- Gutorov V., Koryushkin A., Zavershinskiy K. Civil Society and Theory of Democracy: From the Legacy of the XXth Century. — *The Social Sciences*. 2016. Vol. 11. No. 25. P. 6134-6140.
- Gutorov V.A., Shirinyants A.A. The Terrorism as a Theoretical and Historical Problem: Some Interpretation Aspects. — *Polis. Political Studies*. 2017. No. 3. P. 30-55. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.03.03>.
- Hedges C. *Death of the Liberal Class*. Toronto: Alfred Knopf. 2010. 139 p.
- Huysmans J. *The Politics of Insecurity: Fear, Migration and Asylum in the EU*. L.: Routledge. 2006. 208 p.
- Ioanide P. *The Emotional Politics of Racism: How Feelings Trump Facts in an Era of Colorblindness*. Stanford: Stanford University Press. 2015. 288 p.
- Krastev I. Interview: Ivan Krastev with Richard Sakwa, Ch. 15. — *22 Ideas to Fix the World. Conversations with the World's Foremost Thinkers*. Ed. By P. Dutkiewicz, R. Sakwa. N.Y.: New York University Press. 2013. P. 268-271.
- Lucas S. Mobilizing Fear: U.S. Politics Before and After 9-11. — *Review of International American Studies*. 2009. Vol. 3. No. 3-4. P. 25-34.
- Nitzan J., Bichler S. *Capital as Power. A Study of Order and Creorder. RIPE Series in Global Political Economy*. New York and London: Routledge. 2009. URL: http://bnarchives.yorku.ca/259/2/20090522_nb_casp_full_indexed.pdf (accessed 23.05.2017).
- Robin C. *Fear: The History of a Political Idea*. Oxford: Oxford University Press. 2004. 336 p.
- Robin C. The Language of Fear: National Security in Modern Politics. — *Fear: Across the Disciplines*. Ed. By J. Plamper, B. Lazier. Pittsburgh, Pennsylvania: University of Pittsburgh Press. 2012. P. 118-131.
- Taras R. *Fear and the Making of Foreign Policy*. Edinburgh: Edinburgh University Press. 2015. 224 p.

Extended abstract. Fear is fast becoming — if it has not already become — a central object of analysis for understanding today's politics. As fear is, supposedly, increasingly saturating our everyday lives, politicians and political strategists of all ideological stripes are rediscovering that fear is a handy tool in influencing voters. Our argument, however, is that rather than simply seeing the most recent exercise of a "politics of fear," our contemporary moment is distinguished by the emergence of "fear as politics."

Our paper argues that rather than fear acting as a political *tool*, it has become the essence of politics. Fear now provides the impetus and reason for politics, substituting other sources of legitimation of power such as democracy, justice, and the common good. If we accept Zygmunt Bauman's proposition that "politics is the ability to decide which things are to be done and given priority" then three conclusions follow. First, that fear provides key input to the "ability to decide" as politicians use fear as pre-condition necessary to make decisions ("we have to do that because of immigrants, Muslims etc."). Fear also provides selection criteria "for things to be done." For instance, instead of environment or education policy priorities would include fear sensitive area such as security, race relations or employment. Finally — fear contributes the content of "things to be done" (for instance, if we fear immigrants then content of the immigration policy will be quite restrictive to the newcomers).

Our argument is being developed in a three-step process.

Firstly — we argue — fear has become a projection of the political will aiming at changing existing order — that is to say that fear becomes the main reason and main motive for institutional/social change domestically and internationally. We live no longer in Bauman's *interregnum* where "the inherited means of getting things done no longer works, yet the new and more adequate ways have not been invented, let alone deployed." We live in the world where "things are done" based on fear as key questions about politics are being already answered — as for what to do — the answer is "react to what people fear" and as for "who is going to do that" — the answer is: those who will best manage the fear.

Secondly, fear cements power relations by creating a new “political dogma,” a supra-ideology of sorts that being trans-ideological in spectrum (that is to say, “fear” becomes enclosed in every current ideology from populism to neo-conservatism), and shapes and restricts social imagination and political action.

Thirdly – we continue – fear provides alternative legitimization of state authority and action (that is to say that fear provides justification and sense of purpose for those in power). In the second section of the paper, we further developed our thesis, first by constructing a map of what fear is, politically speaking, and how it is politicized. Secondly, we explained why and how fear has become a constitutive component of politics.

For this paper’s key argument – that *fear as politics* has a *transformational capacity to change politics, norms and institutions* – we find Bauman’s concept of “liquid fear” well suited in explaining fear’s new political capacities acquired with the rise and fall of globalization. “Liquid fear,” Bauman explains, “means fear flowing on our own court, not staying in one place but diffuse. And the trouble with liquid fear, unlike the concrete specific danger which you know and are familiar with, is that you don’t know where from it will strike.”

Furthermore, we discuss which ways fear has different stimuli (and is based on different images of threat) for different social strata but we come to the conclusion that results (measured in fear intensity) are basically similar. We explained this phenomena by discussing: 1) loss of trust in both state and market, 2) divorce of power from politics and 3) deepening (followed by radicalization) of the social divide along a whole spectrum of cleavages (mostly based on inequalities, ideology, identity and power). Thus – we say – fear is becoming systemic (omnipresent) as it is present in every facet of our life and – simultaneously – institutions to cope with its roots (such as – for instance – socially supportive state agencies, trade unions, service providers NGOs as well as trust in them) are either no longer available or their capacity diminished.

Our first answer is based on the argument that a historic evolution of state–society and market–society relations led to a societal distrust in both, sealed by the financial crises of 2007-2009. Seem to us that we have entered a period of strategic instability in which we lost most of the defensive mechanisms against frivolousness of the market and repressiveness of the state. Citizens are, step by step, in recent twenty years, stripped from the protective layers of the social (or welfare) state. Waves of privatisations stripped the state of most prerogatives that made them attractive to their citizens. It is a mistake, however, to think that fear is the lower and middle class phenomenon of being uncertain, confused and defenseless. Same is the case of the upper classes with the capitalist class being also uncertain about the fundamentals of the system.

The second argument why fear changes its quality is the process of continuing and deepening divorce of power from politics that adds to the systemic instability and unpredictability. The state of *interregnum* (see Z. Bauman) has been caused by the progressing separation and divorce of power (an ability to have things done) and politics (ability to decide which things are to be done), and the resulting disparity between the task in hand and tools available to the state. On one hand, power is increasingly free political control but also politics is increasingly suffering from a deficit of power. The result is that we (a people) fear that the gap between the scope of tasks to make our life more secure/stable and the ability of institutions (and our won) to deal with them is at abysmal level and yet day by day this gap is widening. While Bauman’s approach is useful to explain causal link between power, politics and fear we are making one step forward by saying that *interregnum* is transformed already into the new order (a *new regnum*) where “things are done” based on fear. The beginning of that process can be traced by current adjustments to the immigration, refugees, security, defense, health and other policies.

Our last point in advancing the argument that fear obtained a systemic status as it touches every aspect of our lives is to look briefly at key cleavages that, by deeply dividing societies, making fear as politics plausible by appealing to a specific social groups and their concerns . First, we look at the rise of populism and identity cleavages, and secondly we discussed growing social / economic inequalities. We conclude this section by saying that – so far – we have provided a set of interlocked ideas to show that fear can be rationalized, operationalized, that it is imbedded into diversified social strata, included into mainstream politics, politically utilized and form a bedrock of the new *regnum* (with a political rationality based on fear) by whoever play politics.

In conclusions, we state that a multiple and growing real and perceived threats *politics of fear* became a standard feature of modern politics. Then – in course of the paper – we flipped the causality as we argued (in sections “A journey from the ‘Politics of fear’ and ‘Fear as politics’”) that rather than fear acting as an expedient but *ad hoc* political *tool*, it has become the *de facto* essence of politics and that fear being a twin-brother of politics become part of politics’ ontological core.